

Толстая Ле-я много раз рассказывала мне о Бабе. С ним её познакомила одна индианка. Индианку звали Падма, и она говорила по-русски.
Каждый раз, когда я ненадолго приезжала в Пуну из города Х., Ле-я пыталась затащить меня к Бабе. Она уверяла, что Баба — просветлённый.
Мне было достаточно «просветлённого» гуру из Х., и я приезжала в Пуну отдохнуть от его «просветлённости», даже не осознавая этого.
Но на этот раз я сдалась.
Мы ехали пару часов на моторикше за пределы Пуны, к невысоким горам и холмам, густо покрытым зеленью. Здесь почти не видно было следов человеческого жилья, и поэтому отсутствовали такие «признаки цивилизации», как груды мусора, «танцующие» на ветру грязные целлофановые кульки и тряпки.
Людей здесь не было видно, и не было такой неотъемлемой части любого укромного уголка природы в этих краях, как человеческие экскременты. А значит, и соответствующих запахов тоже не было. Здесь древняя индийская земля дышала здоровьем, неувядающей молодостью и показывала свой ослепительный лик.
Здесь никто не жил. Кроме Агни-Бабы.
Во всяком случае, это так выглядело.

Много безлюдного пространства. Редкость для Индии.
Здесь было чисто!
Было нетронуто и спокойно. Тихо.
Невысокие горы или высокие холмы были сплошь покрыты спутавшейся дикой зеленью. У подножия гор была плоская, как блюдо для тали, долина.
Кое-где были кусты и лоскуты пожелтевшей от солнца травы. Золотой травы.
Изредка попадались небольшие деревца. Под ногами — мелкие камешки, твёрдая, пересохшая земля красно-коричневого цвета.
Островки зелёных кустиков, окружённые почвой красного цвета, интенсивно зеленились на солнце, как изумруды. Они были низенькие, круглой формы и напоминали разбросанные по полю бильярдные шары.
Мы какое-то время шли прочь от проезжей трассы, вглубь этого тихого «континента».
Рикшавала (водитель рикши) тоже проехал немного вглубь и, оставив рикшу под небольшим деревцем, пошёл дальше рядом с нами.
Мы подошли к какому-то сооружению. Рукотворному.
По «архитектуре» — типичный slum. Из обрезков жести, шифера, фанеры и чего-то там ещё были сложены четыре стены, с крышей и отверстием-дверью, закрывающимся куском висящей ткани. Но всё было чистенькое и какое-то «новое», без слоя пыли и следов обшарпанности.
Мы заглянули в середину — никого.
Полом в этом, то ли маленьком храме, то ли жилище, служила чисто выметенная голая земля. У противоположной от двери стены был сооружён из досок подиум. На нём лежали циновка, пара подушек и что-то похожее на одеяло.
Слева, у подножия подиума, было место, примерно два на два метра, тщательно огороженное крупными круглыми почерневшими камнями.
Внутри этого огороженного места тлели угли и лежал густой слой нежного, серебристого пепла.
Над пеплом возвышался прислонённый к стене каменный Шивалингам.
Из пепла торчала воткнутая в землю сабля, и рядом с ней торчал трезубец. И трезубец, и сабля были почерневшие от пепла и постоянного жара.
Здесь обитал Агни-Баба.
Под стеной, напротив места с огнём, лежал вдвое сложенный коврик.
Видимо, подстилка для посетителей.
Мы стали ждать хозяина снаружи.
Пришёл некто, кто, видимо, убирал вокруг этого жилища. По виду — крестьянин.
Было странно, что посреди этого, почти нетронутого уголка природы кто-то с колючей и жёсткой метлой ходит вокруг этого сооружения, скребя ею мелкие камешки и пыля. Подозреваю, он делал это из

уважения к Бабе, чтобы высказать своё почтение, а не из необходимости.
Этот подметальщик и рикша о чём-то переговорили на маратхи, и рикша нам сообщил, что Баба скоро вернётся.
Я была настроена несколько скептически.
Все восторги Ле-и по поводу просветлённого Бабы вызывали у меня снисходительную улыбку. Слово «Баба» Ле-я склоняла на русский манер, и я тоже стала его так называть, по-домашнему.
Толстая Ле-я, приехавшая из Одессы, была жизнерадостная и светлая душа. Даже «наивная», но не нужно это путать со словом «глупая». Наивность Ле-и происходила от какой-то внутренней чистоты. В основе её мудрости и прозорливости лежало желание во всех и во всём видеть лучшее. Если «увидеть лучшее» не получалось, Ле-я умела пожалеть и простить.
Она любила петь старинные романсы.
Очень эмоциональная, умудрялась найти повод для восхищения почти во всём. В ней был неисчерпаемый океан энергии. В её ярко-синих глазах, украшавших миловидное круглое лицо, плескалось одесское море.
Несмотря на всю свою гротескную полноту, Ле-я не была бесформенной. Между бёдрами и талией была значительная разница в объёме, а лицо не было изуродовано двойными-тройными подбородками. Ле-я была по-своему красивой.
Все её называли «мамой» за её готовность помогать, целить и кормить каждого. С ней было уютно. При этом она была практичная и умела считать деньги и добывать их. Эта синеглазая блондинка с большущей попой и впечатляющих размеров грудью обладала удивительной интуицией и феноменально гадала на картах. Чем и подрабатывала в Пуне.
Нам пришлось ждать минут пятнадцать. Стало жарко. Рядом с хаткой было дерево, и мы сгрудились в его жиденькой тени.
И вот появился он — Баба.
Невысокая и щуплая его фигура, облачённая в ярко-оранжевые одеяния, напоминала язык пламени. Особое сходство с языком пламени придавал кусок оранжевой ткани, закрученный вокруг головы в виде высокого конуса.
Яркий цвет одежды подчёркивал длинную смолянисто-чёрную бороду и усы. Лицо было смуглое, с небольшими, но какими-то пронзительными глазами.
Меня поразили его большущие, тяжёлые серьги. Это не было золото. Возможно, это было серебро, не уверена. Но не сами серьги, а то, как они были продеты в уши, впечатляло.
Серьги были вдеты не в мочки. В раковинах ушей были сделаны довольно большие отверстия, и вот именно в них висели эти массивные украшения.

На шее у Бабы была рудракша-мала, традиционный атрибут бога Шивы и шиваистов.
Баба заулыбался и пригласил нас жестом в дом.
Мы сели вдоль стены на разостланном коврике, а Баба сел на подиуме, скрестив ноги в лотос. Рикша представил Бабе каждого из нас (кроме меня и Ле-и, здесь были Са-и и Дима).
Баба ласково улыбался, покачивал головой и иногда радостно всплёскивал руками. По сравнению с грозным, толстым и высокого роста гуру из Х., Баба выглядел несерьёзным и ребячливым.
Мы привезли с собой сладости и бананы. Ле-я положила наши гостинцы рядом с Бабой на подиум. Агни-Баба посмотрел на наш прасад, заулыбался, подозвал жестом мужчину, убиравшего вокруг дома, и вручил ему всё, кроме бананов.
Позже я узнала, что всё, что приносили Агни-Бабе: конфеты, кексы, печенье, деньги, украшения, тёплые шали, одежду и т. п.,— он отдавал своим прихожанам. Те, кто приходил в этот маленький храм, в большинстве своём были бедны, многодетны, и Баба их поддерживал деньгами и всем, чем мог. Иногда он их лечил.
Из бананов, принесённых нами, Баба выбрал один и, держа его пальцами очень деликатно, как хрустальный шар, пальцами другой руки стал прикасаться к банану.
Он как-то внутренне отстранился от нас. С бананом в руке, с полузакрытыми глазами, Баба стал казаться находящимся очень далеко, хоть и сидел рядом. Почти неслышно он произносил какую-то мантру. Это происходило недолго.
Затем взгляд его опять вспыхнул, он слегка улыбнулся. Своими тонкими, смуглыми пальцами разломил банан на несколько частей. Сказал что-то на маратхи рикше.
Рикша перевёл, что этот банан — прасад от Агни-Бабы.
Каждому из присутствующих достался кусочек.
Ох уж эти мне прасады! Сколько я их съела уже!
У гуру из Х. прасады были обильные, дорогие, иногда из нескольких блюд, иногда из изысканных индийских сладостей. У других гуру это тоже были фрукты, тали, орехи... да что угодно съедобное. Всё подавалось на одноразовых больших тарелках из пальмовых листьев, а иногда и на металлических тарелках, тоже больших.
Иногда было очень вкусно, иногда — не очень... Прасад — это пища, олицетворяющая «божественную милость», символ «божественной благодати». Благословлённая святым или гуру, эта еда очищает от грехов, карм и болезней. Это благословение от Бога.
Так мне объяснили.
Но ничего «божественного» или «благословенного» я в этом не находила, хоть и ожидала. После поглощений прасадов — никакого возвышенного состояния, никакой лёгкости на душе или особой радости и здоровья. По-видимому, прасад — это просто обычай, старинное

поверье. Просто — обед с гуру и со всеми дисайплами вместе. В приятной компании, так сказать. И не более.
И вот здесь, в этой избушке «на курьих ножках», опять — прасад. Традиция есть традиция. Человек я вежливый, я сделала намастэ и взяла кусочек банана, протянутый мне Агни-Бабой.
Под впечатлением незатейливости окружающего быта и «интерьера» неконтролируемо, молнией в голове пронеслась мысль: «Надеюсь, я не подхвачу какую-нибудь инфекцию».
Позже, когда я вспоминала об этой мысли, мне было стыдно.
Отправив прасад в рот, со скукой я решила, что серьги Агни-Бабы, видимо, были самым впечатляющим из этого путешествия. И стала терпеливо ждать, когда мы поедем обратно, в Пуну.
Но съеденный заколдованный Бабой кусочек банана вином разлился по всему моему телу.
На меня снизошёл необыкновенный покой и умиротворённость. Стало немыслимо хорошо. Всё умственное и эмоциональное напряжение, которыми я изводила себя последние месяцы, испарились.
В уме медленной ладьёй поплыло мысле-чувство: «Приехала!»
Это был первый в моей жизни настоящий Прасад.
Все остальные «прасады» были просто еда.
А Баба по-прежнему периодически хлопал в ладоши и смеялся. Очень несерьёзный.
На прощанье он почистил каждого из нас метёлочкой из павлиньих перьев и дал, завернув в пакетики из газеты, пепла. Пепел был из того угла, где торчали сабля и трезубец.
Пепел нужно было принимать малюсенькими щепотками. И есть, и втирать в больные места или ставить им точку на месте третьего глаза.
Ле-я, подрабатывающая ещё и массажами, стала добавлять этот пепел в массажное масло. Она говорила, что люди после такого массажа чувствовали себя по-особенному.
В один из визитов к Агни-Бабе он сказал нам с Ле-ей, что хотел бы инициировать нас в агни-йогу.
К тому времени я уже получила несколько разных инициаций, и в ещё одной я не видела смысла.
Но Ле-я! Её это так вдохновляло! Ей этого хотелось, и она беззаветно верила Агни-Бабе. Ей хотелось пройти инициацию вместе со мной.
Нужно было знать Ле-ю. Это была настоящая очаровашка! Её готовность, вдохновение и радость были штормоподобны! Энтузиазм превратил её в девочку, несмотря на то что ей было за сорок.
Я согласилась.
Для инициации нужна была оранжевая одежда. Нужно было купить.
Учитывая мою стеснённую материальную ситуацию, не могло быть и речи, что я стану покупать «наряд», который после этого посвящения больше никогда в жизни не надену.
Ничего не сказав об этом Ле-е, я подумала, что Баба не станет меня инициировать неправильно одетую и всё разрешится само собой. Я

поприсутствую на ритуале трансформации Ле-и в Агни-Ле-ю, разделю её радость. И всё.
Мы приехали к Бабе рано утром. Из Пуны отправились ещё затемно. Не помню точно, но, кажется, ритуал должен был быть совершён с восходом солнца.
Мы привезли с собой необходимые цветы, фрукты.
С нами приехали двое саньясинов из ашрама Ошо, они были австралийцы. Ле-я на днях их тоже познакомила с Бабой, и они тоже возжелали посвящения в агни-йогу. Агни-Баба согласился их посвятить, но сказал, что ритуал стоит 1000 рупий.
Когда австралийцы ушли, я сказала Бабе, что отказываюсь от инициации — дорого.
Баба ответил (он немного говорил по-английски), что он знает, что у меня нет денег. И вообще, он знает, с кого что спрашивать.
Позже эти деньги пошли на лечение кого-то из навещающих Бабу бедняков.
То, что моё одеяние было не огненного цвета, обязательного при инициации в агни-йогу, не остановило Бабу.Инициированы были все.
Я плохо помню ритуал посвящения. Всё проходило как во сне.
В домике Бабы был полумрак.
Сладко пахло от воскуренных благовоний. В углу, где в клубах сиреневого дыма угадывались силуэты трезубца и сабли, прожигая насквозь дымную завесу, ярко вспыхивали раскалённые угли.
Баба, усадив меня, стал читать мантры и что-то проделывать вокруг меня с цветами и водой. Мельком я заметила несколько небольших чаш, поставленных полукругом возле меня. В одной были цветы, в другой — вода, в третьей, кажется, прасад-сладости... Ещё что-то. Для меня это было неважно.
Я закрыла глаза.
«Ом Намах Шивая!», «Ом Шива!» — повторял Баба вместе с другими словами, в разных вариантах и комбинациях.
Я чувствовала, как он посыпал мне голову ароматными лепестками роз и они, скользя по моим щекам, опускались мне на колени, на лежащие на коленях руки. Кажется, он меня и водой опрыскивал. Возможно, дал мне прасад. Не помню.
Странно, что всё это осталось в памяти как прозрачный, нечёткий акварельный набросок-намёк. И никаких подробностей.
Однажды я и Са-и отправились к Агни-Бабе.
Дорога была длинная, и мы всю дорогу разговаривали.
Я рассказывала, как всё было организовано в городе Х. вокруг того, другого гуру. Как там проходят сатсанги...
Там всё было поставлено на европейско-американский уровень.
Дни, когда гуру давал сатсанги в своём частном одноэтажном, небольшом доме, с перерывами на чай домашнего приготовления, когда атмосфера была тоже домашняя, тёплая, без торжественности и поклонения, давно канули в Лету.

Теперь приехавшие богатые дисайплы сняли для сатсангов большой дом.
В большом холле, где проходили сатсанги, работал кондиционер. А после сатсангов — ресторан. Холл вмещал иногда более полутора сотен человек. Всё было цивилизованно, комфортно, чисто. Гуру тоже стал другим...
Теперь он говорил по-английски в микрофон, и всё, что он говорил, записывалось на видеокамеру.
Организаторам всего этого комфорта на сатсангах было отведено постоянное почётное место у самых ног гуру. Это считалось благословением и знаком отличия.
Они с фанатизмом следили, чтобы гуру ни в чём не нуждался не только на сатсангах, но и у себя дома.
Книги с текстами сатсангов были изданы на английском и многих других языках и позже — на русском.
В основе организации места для сатсангов лежал опыт ашрамовцев из Пуны. Того самого ашрама, в котором когда-то давал даршаны мой любимый Ошо.
Бывшие саньясины, приехав сюда, привезли свой опыт, почти профессионализм и деньги. Вначале сюда, в город Х., их приехало много. Некоторые оставались, некоторые иногда приезжали, некоторые, наведавшись, никогда более не возвращались.
Вся эта атмосфера благоговения перед «просветлённым» гуру, известным во всём мире и называемым «дзэн-мастер», гуру, который сам намекал на то, что он и есть инкарнация бога Рамы, а позже и Кришны, не могла не впечатлять.
Все, и я в том числе, ему кланялись и поклонялись.
Мне и в голову не приходило заглянуть вовнутрь себя и спросить, ЧТО я действительно чувствую и думаю по поводу всего этого. Я перестала слушать и верить своей интуиции, своему чувствованию. Вся эта мощная, как цунами, волна всеобщего поклонения, обожествления гуру, беспрекословного подчинения и служения ему смела меня, заставила усомниться в собственном видении его и понесла меня как щепку.
Куда понесла? К чертям собачьим.
Будучи по природе своей негипнабельной индивидуалисткой, я как-то незаметно для себя побежала в общем стаде.
Видимо, я так хотела.
Видимо, мне нужно было чему-то у этого всего научиться.
Ничто в нашей жизни не происходит без нашего согласия. Даже если мы не осознаём своего согласия.
Но это всё я пойму потом. Через годы.
А сейчас, подъезжая к месту обитания Агни-Бабы и проведя сравнение между ним и тем гуру, я сказала:
«Знаешь, Са-и, Баба, он очень милый, может быть, он даже просветлённый, но он — не Мастер».

Мы подошли к хатке Бабы. Нырнув под тяжёлый кусок ткани, заменявшей дверь, мы оказались прямо перед стоящим Агни-Бабой. Сделали намастэ.
Баба улыбнулся и, глядя на меня, мягко сказал: «Сами, я — Мастер».